

АЛЕКСАНДР НИЛИН: "АРМИЯ АРМИЕЙ, А ЦК - ЦЕКОЙ", - СКАЗАЛ СТРЕЛЬЦОВ"

00:20 31 ИЮЛЯ 2015 | РАЗГОВОР ПО ПЯТНИЦАМ

Александр НИЛИН. Фото Юрий ГОЛЫШАК, "СЭ"

РАЗГОВОР ПО ПЯТНИЦАМ

Сегодня знаменитому писателю, автору книг о Бескове, Стрельцове и Воронине исполняется 75 лет

От старого писательского Переделкина мало что осталось – кругом стройка. Былые дачи превращаются в особняки.

Писателей здесь уже почти нет. Проезжаем мимо музея Евтушенко, музея Окуджавы... Нас встречает Александр Нилин, который вырос в этом поселке. Помнит и Чуковского, и Пастернака, и Фадеева живыми.

Не только их. Нилин дружил с великими футболистами XX века. Писал о них. Лучших книжек о футболе того времени мы не знаем.

– В интервью к предыдущему юбилею вы говорили: "Грустить иногда приходится, но скучать некогда. Возраст поджимает". Какие мысли сегодня?

– Когда исполнялось 70, казалось – предел. Дальше ничего не будет. Плюс образовалась пауза в работе. Нынче – ни пауз, ни времени. Пишу. Сейчас это делать легче – знакомых меньше, многие поумирали, разговариваю мало. Если случится еще полгода жизни – выйдет новая книга.

– С 2005-го пережили семь операций. Перед какой было особенно страшно?

– Не было страха. Я человек театральный, учился в школе-студии МХАТ, мне нужны новые впечатления. Увлёкся хирургами, как когда-то футболистами. Что-то объяснял медсестре, переспросила: "Вы имеете отношение к медицине?" – "Как тяжелобольной – конечно, имею..."

– **Первый футболист, с которым познакомились?**

– У нас на Беговой жил Николай Дементьев, игравший за "Динамо" и "Спартак". Я был влюблен в его дочку. Может быть, за то, что она дочь футболиста. Еще привлекал его белый гоночный велосипед с надписью "Николай Дементьев". Затем узнал – такие дарили в английском турне 1945-го.

– **Всем?**

– Наверное. Если уж достался Дементьеву, который провел один матч.

– **Бескова на велосипеде мы отказываемся представлять.**

– Да Бесков и на коньках-то не умел кататься! Когда я эту мысль озвучил, он жутко обиделся: "Как не умею? Просто не люблю!" Хотя все это поколение здорово играло в хоккей. Часто лучше, чем в футбол.

– **Из артиста вы превратились в журналиста спортивной газеты.**

– Ненадолго. Началось с того, что подружился с великим боксером Виктором Агеевым. Написал о нем страничек пять – это считалось много! Тут он на сборах подрался с боксером Мусалимовым. Нужно Витю выручать. Говорю – дадим в газете два "подвала" твоих рассуждений о боксе и жизни. Это имело резонанс в его среде – Агеев, оказывается, не только безобразничает, но и аналитически мыслит! Звонит благодарный: "Мне же полагается гонорар? Давай быстро пропьём, а то в Кисловодск уезжаю..."

– **Разумно.**

– Пошли в кафе "Лира". Там скучно. Решили переместиться в ВТО. По дороге завязалась драка с какой-то компанией. Агеева, военного человека, забрал патруль, меня – милиция. Заставили писать объяснение. Через некоторое время в редакции показали, что я сочинил: "Шел по улице Горького и увидел, что хулиганы избивают моего друга, чемпиона Европы по боксу Агеева. Не мог же я не вмешаться?" В газете решили устроить товарищеский суд. Но я, не дожидаясь, ушел в АПН.

– **Агеев же на достигнутом не остановился. Вскоре поколотил милиционера.**

– Да бросьте, обычная драка в той же "Лире"... Ребята, молодежь не вполне понимает, кто такой Агеев. Фактически ничего не выиграв, остался боксером самых сильных впечатлений. Говорят: главное – результат. У него всего две победы на Европе. Для гениального боксера – ничто. Ни в одной Олимпиаде даже не поучаствовал. А в боксерском мире отношение, как у нас к Пушкину.

– **Популярность была колоссальная?**

– Сегодня такую не представить. Художник Стасис Красаускас ехал на машине целую ночь, чтоб посмотреть финальный бой на римском чемпионате Европы. А финала не было. Вышел польский тренер Феликс Штамм: "Я своего мальчика снимаю. Витя, поздравляю!" Агеев огорчился – ну, теперь "лучшего боксера" не дадут. Но все равно дали.

– **За что он дважды сидел в тюрьме?**

– Что-то связано с милицией. Никто честно об этом не рассказал, включая самого Агеева. Провели по статье "хулиганство". Слышали о "Поэме экстаза" Аксенова?

– **Читали.**

– Году в 1967-м отправились с Василием Павловичем в пивную на Маросейку. Для всех он еще был Васей. Впрочем, у литераторов отчеств быть не должно. Там же возник Агеев с какими-то гимнастами. Наступил вечер, за столом Агеев, Аксенов и я. Вылилось все в то, что Аксенов написал смешной рассказ "Поэма экстаза". Про то, как я учу Агеева быть культурным человеком, навязывая то Моранди, то разные симфонии. Вася это сочинил – на самом деле было другое.

– **Что?**

– Аксенов спросил: "Витя, почему все время деретесь на улице? Неужели не можете удержаться?" Агеев ответил: "А вы, Вася, можете не писать?"

– **Великий боксер остался без олимпийского золота. Для него это драма?**

– Нет. Он раньше всех понял: миф интереснее титулов. Олимпийских чемпионов по боксу много. Но они отошли на второй план. Когда у Агеева юбилей – там космонавты, артисты. Сидят олимпийские чемпионы и гадают: почему так получилось-то? Они – просто гости, а Витя – в центре любого стола!

Я ему говорил: "Советская власть тебе спасла мозги, в 27 лет выкинув из сборной". После он был президентом банка, федерации профессионального бокса. Везде быстро и хорошо соображал. Променял спортивную карьеру на жизнь светского человека.

Недавно моя жена, которая от бокса далека, оказалась на каком-то юношеском первенстве. Разговорилась с итальянским тренером: "У мужа тоже есть знакомый боксер, Агеев..." Итальянец встал: "Это легенда!"

– **Раз легенда – еще история про Агеева не будет лишней.**

– Была у Вити любовь с Галей, дочкой генерала Белова, командира кавалеристского корпуса. Он к тому моменту умер, жила Галя в шестикомнатной квартире на Брестской. В Москве две-то комнаты было редкостью, а тут шесть!

– **Прелесть какая.**

– В доме толстенные стены. Я называл эту квартиру "Брестская слабость". Народ в ней толпился беспрерывно. Одну комнату прозвали "каток". Там постоянно спали пьяные хоккеисты. Агеев рассказывал: "Прихожу, дремлет парень. Прямо как ребенок. У меня впервые проснулись отцовские чувства".

– **Кто это был?**

– Мальцев. Только-только приехавший в Москву. И вот случай на моих глазах. Сидим вокруг большого стола. Агеев отлучился в магазин, встретил на улице школьных друзей, супружескую пару. Потасил за собой.

– **Поразив размахом?**

– Те не могли понять, что происходит. Кто такая Галя? Витя вроде женат – и живет в Кунцеве. Сникли. А Витя подумал, что им скучно. Решил развеселить. Разбежался и прыгнул на стол.

Попал ботинком в заливное. Если б не координация боксера, последствия были бы самые печальные. Но сгруппировался – и улетел на диван.

– **Говорят, у Агеева реакция фантастическая.**

– Воробья поймал.

– **Какого воробья?**

– На лету схватил птицу, развлекаая товарищей. Ко мне в издательство заглянул Агеев. Чтоб его вернули в бокс, собирались сочинять письмо Павлову. Написали, Витя взял конверт и произнес: "Раз уж здесь, навещу Володю Сафронова". Это наш первый олимпийский чемпион по боксу, тоже работал в издательстве, крепко выпивал. Не надо, отвечаю, никого навещать. К тому же Володя наверняка у автомата "Портвейн".

– На Селезневке – 20 копеек бросил, получай стакан портвейна. Там вечно толпились артисты из Театра Советской армии и художники-мультипликаторы, рядом студия. Мы пошли длинным коридором, вдруг Агеев замер: "Ты что-то сказал про портвейн? Надо бы по стакану врезать, а то сердце останавливается". Пошли к автомату – встретили там и Сафронова, и художников Дежкина с Котеночкиным. Письмо, конечно, пропало, никуда его Агеев не довез. А воробья изловил на лету прямо там, у автомата. Публика была в восторге!

* * *

– **Рассказы Агеева и Стрельцова о тюрьме отличались?**

– Сходство в одном – все они юмористического толка. О трудностях Стрельцова я узнал из писем маме. Никто ж не думал, что эти письма существуют!

– **Как нашлись?**

– Хотел переиздать нашу книжку со Стрельцовым уже после его смерти, пришел к Софье Фроловне. Между делом спросил: "Неужели Эдик оттуда не прислал даже открытку?" Вынесла пачку писем! Я прочитал – и немного прояснилось, как ему там жилось. Хотя маме писал довольно бодро.

– **О том, что Стрельцова избили на зоне, из писем узнали?**

– В письмах этого не было. Он сам тоже не упоминал. Позже раскопал юрист, издавший свою книжку о Стрельцове. Половина списана у меня, другая половина – из уголовного дела. Куда бы Стрельцов ни приехал, везде находились люди, утверждавшие, что с ним сидели. Он их не сторонился, охотно общался.

– **Вспоминал?**

– Вот это удивительное качество Агеева и Стрельцова – помнить всех, с кем знакомились. Обычно как? Знакомства с популярными людьми – односторонние. Потому что мир знаменитого человека перенаселен!

– **Это же в письмах был рассказ о том, как пили воду с головастиками?**

– Да, Стрельцов говорил – пили и не обращали внимания. В тюрьме никто не болеет. Разве что туберкулез. У Эдика, правда, там нарушился обмен веществ. В его карьере все против – плоскостопие, вес, семь лет без футбола... Невозможно вообразить! Пока он сидел, сменились две тактические схемы. Но на зоне не было телевизора, и он об этом не подозревал.

Из писем видно – он не надеялся вернуться в футбол. Все это для него позади, и сейчас надо привыкать к новому. В тюрьме закончил 7, 8 и 9-й класс. Вернувшись, учился во ВТУЗе. Параллельно сдавал на шофера-испытателя. Он в любом состоянии неплохо ездил за рулем. Но как-то припарковался у дома, вылез и рухнул на газон. После этого жена Рая продала машину.

– **Знакомство со Стрельцовым тоже сопровождалось историей?**

– На базе в Мячкове вручали "Торпедо" медали. Я рассорился с приятелем – и посреди ночи пошел в комнату напротив. Знал, что там живет Стрельцов. Эдуард нисколько не удивился, хотя знакомы были шапочно. Достал бутылку водки. Забыл, что не дома, – крикнул жене: "Рачка, приготовь что-нибудь покушать!" Полночи просидели.

Ребята, я боюсь, что все интервью будет посвящено выпивке... Спросите что-нибудь теоретическое.

– **Хорошо. Ваша первая книжка со Стрельцовым стала событием. Писалась легко?**

– Я пришел и принес бутылку водки. Мама смотрит – человек из редакции, мало ли что... Пожарила котлетки. Потом позвонила Рая из своего ЦУМа, попросила сорвать десять листьев. Сыну Игорю велели принести в школу. Эдуард пошел – вернулся без листьев, но с водкой. Когда поставил на стол, мама огорчилась: "Эдик! Обязательно напиваться допьяна?"

До этого я со Стрельцовым и Ворониным общался не как журналист – не собирался про них ничего писать. На меня катили бочку – будто я "спаиваю Воронина".

– **Не спаивали?**

– Как мог его спаивать, если у Воронина денег в сто раз больше, чем у меня?

Идея книжки со Стрельцовым родилась спонтанно. С ним интервью-то не было. Журналистам казалось, раз у Иванова или Воронина язык подвешен, значит, они и соображают лучше. Ходили к ним.

Сейчас я узнал – существует человек, который взял сто интервью у Аршавина. Лев Толстой больше десяти не дал бы! Про Стрельцова же написали в "Юности" заметку – "Хочу говорить на языке паса". Мысль правильная, но абсолютно не стрельцовская лексика.

– **Как бы он выразился?**

– Чтоб вам было понятно, расскажу случай. Конец сезона, банкет. К Стрельцову подходит Иванов: "Эдик, помнишь, тогда-то я был в хорошей позиции, а ты мне не отдал?" – "Кузьма, ну неужели я тебя не вижу?! Хотел сам забить!" Он был как шахматист, который играет вслепую на 60 досок. Позднего Стрельцова было тяжело понять даже своим – он все делал вопреки. Численко говорил, "чего хочет Эдик – я не понимаю". Хотя в 1967-м Численко был в СССР футболист номер один.

– **Вы не путаете?**

– Стрельцова признали лучшим журналисты, а Численко – девятый у France Football. В мире! Но Игорь совсем уж раздолбай. Рая Стрельцова вспоминала: "Явился к нам Численко – пиджак на голое тело. Дала ему рубашку Эдика: "Игорек, нельзя так опускаться!"

– **Если мама Стрельцова вас приняла и полюбила, то с женой было тяжелее.**

– Рае не нравилось, как мы работали над книжкой. Ее можно понять. Я приходил всякое утро – Эдик в халате, сразу говорил: "Все-таки возьмем большую бутылку. Завтракать надо". Я отве-

чал: потом ты ляжешь спать, а мне что делать? Но вскоре чудно приспособился – пока Стрельцов дремлет, записываю.

– **Диктофоном пользовались?**

– Нет. Когда Эдик просыпался, звонил жене в ЦУМ: "Раечка, мы уже поработали. Знаешь, Сашке чертовски хочется выпить! Мне-то нет..." Через одиннадцать дней в таком режиме я махнул рукой: "Все, Эдик, дальше буду писать сам". Но до последнего сомневался, что книгу напечатают.

Когда книжка вышла, устроили то, что сейчас называли бы презентацией. После вдвоем заскочили в кондитерскую. Эдик принес две бутылки "Стрелецкой". А я поразился – никто его не узнает! И когда в метро прощались, мне казалось, все вокруг смотрят на эту безобразную сцену, – но и тогда на Стрельцова не обратили внимания!

* * *

– **В другие команды его приглашали?**

– Пришли на похороны Харламова. Вокруг почти все в военных мундирах. Эдик огляделся: "Если б перешел в ЦСКА, не в тюрьме бы сидел, а тоже был бы майором". Им с Валею Ивановым ЦСКА даже квартиры подобрал.

За "Динамо" Эдик играл в Москве против Уругвая. Яшин ему подарил динамовскую майку, считая, что вопрос с переходом решен... А самое интересное – Стрельцов болел за "Спартак"!

– **Вот и шел бы туда.**

– Говорил: "Мне неудобно перед Симоняном, приду-то на его место". Вопрос с армией торпедовское начальство для Стрельцова и Иванова решило. Директор завода съездил в ЦК. Эдик сказал приятелю: "Армия – армией, а ЦК – цекой..." Но вот от тюрьмы освободить не смогли.

– **А кто-то смог бы?**

– "Спартак" себя позиционировал как "народная команда", но Старостин знал всех начальников. Своих-то, Татушина и Огонькова, отстоял. Их исключили из футбола, но в тюрьму не посадили.

– **Как он оказался среди футболистов, с которыми никогда не дружил?**

– С Ивановым уже меньше общался. Что-то лишнее брякнул про Лиду. Вот тогда-то возник Огоньков, стал захаживать домой. Алла, первая жена Эдика, валила все на Огонькова. Плюс у Иванова была тяжелая травма колена, нога не разгибалась до конца. Решил взяться за ум, искать какие-то нефутбольные компании. А Стрельцову казалось, что футбол будет продолжаться вечно. Потом кто-то наверху решил, что надо подкрутить гайки, – и подвернулась фигура, Стрельцов.

Хрущев два раза, ничего не понимая, навредил футболу. В 1958-м посадили Стрельцова, а в 1964-м выгнали Бескова за серебро на чемпионате Европы. Кто-то шепнул: "Смотрит Франко, а мы проигрываем..."

– **Пятка Стрельцова – это не миф?**

– И миф тоже! Но мифы на пустом месте не рождаются. Эдик так говорил: "Долго не могли забить Лева Яшину. Я шел-шел, вдруг отдал пяткой, и Кузьма забил. Вот, думаю, как надо! Чтоб вратарь не был готов!"

– Зураб Соткилава рассказывал нам: "1955-й, тбилиское "Динамо" на грани вылета. В Москве нужно кровь из носу брать очко у "Торпедо". Вратарь Миша Пираев знал Стрельцова и по-дружески подошел: "Помогите!" Эдик ответил: "Лучше будем и на следующий год ездить в Тбилиси, где нас любят, чем куда-то..." Сыграли 1:1".

– С грузинами помню другую историю. Московское "Торпедо", куда только перешел Банников, играет с кутаисским. Неожиданно он приносит кейс, набитый деньгами: "Ребята, завтра мы должны проиграть. Это ведь наши одноклубники..." Последняя фраза особенно насмешила – Банников к тому времени ни одного матча за "Торпедо" не провел. Но Стрельцов к нему относился нормально. А вот Кавазашвили недолюбливал. Считал, Анзор кому-то отдал игру, получив взамен рояль.

– **Как Стрельцов заканчивал с футболом?**

– Мы сейчас переживаем за Аршавина, Кержакова. Но они что-то заработали. А Стрельцов в последний свой сезон был озадачен тем, чтоб успеть выхлопотать на заводе новый холодильник: "Когда играть закончу – уже не дадут".

Знаете, в чем феномен Стрельцова? Не в количестве забитых мячей. Хотя статистика позволяет масштабно оценить уровень его мастерства. Но с возрастом такого значения цифрам я не придаю. Произведенное впечатление – важнее.

Так вот, мама Эдика сокрушалась: "Весь его характер бесхарактерный". Я возражал: "Софья Фроловна, да это и есть характер!" Вообще-то человек подобного склада никуда не пробивается. В спорте – тем более. Для успеха нужны напористость, хватка. А здесь – вяловатый, лапша, пусть и с гениальными футбольными способностями. Он даже на суде не отпирался, не проявлял активность в попытках оправдаться. Позже говорил мне: "Такая накрыла апатия, что думал – скорее бы уж посадили..."

В книжке про Стрельцова задаюсь вопросом: кому воздвигли памятник у ворот стадиона на Восточной? И прихожу к выводу – не Эдику, а всем, кто, как он, прожил без помощи локтей, не умел за себя постоять.

– **На Каширке в онкологическом центре у него бывали?**

– Нет, Эдика на выходные отпускали домой. Ему уже ничего не хотелось, даже выпивать. Навероятно бледный, хриплый голос, как у Высоцкого. Собирались делать новый вариант книжки. А сделал я один. На обложку поместил телеграмму о его смерти, которую Рая прислала мне в Ялту.

* * *

– **Самая памятная встреча с Ворониным?**

– Зимой 1965-го собрались компанией в ресторане. Валера рвался в Ленинград на такси – еле отговорили. В какой-то момент мы остались за столиком вдвоем. Идея немедленно отправиться в Ленинград – уже поездом – вспыхнула с новой силой. Билетов на вокзале не было, но начальник "Красной стрелы" вошел в положение. Заодно предупредил, чтоб завтра вечером стояли у второго вагона, иначе обратно нас никто возьмет.

Наутро, протрезвевшие, шагнули на перрон. Денег нет. Куда идти? Я предложил прогуляться до гостиницы "Октябрьская": "Если Миша Посуэло живет там – все будет в порядке".

– **Посуэло играл с Ворониным за "Торпедо", мелькнул в "Спартаке" и в 1965-м очутился в "Зените".**

– Верно. Выяснили, в каком он номере, постучали. Дверь открыл малый в спортивных штанах. Увидев Воронина, лучшего футболиста страны, оцепенел. Из глубины комнаты донесся голос

Посуэло: "О, наши в городе! Павлик, ступай на тренировку, а я сегодня пропускаю". Павликом оказался новичок "Зенита" по фамилии Садырин.

Мы поехали к Володе Хомутову, тоже бывшему торпедовцу, выступавшему за ленинградское "Динамо". Распили в столовой бутылку водки на четверых. В переулке около Невского кому-то пришла мысль сыграть в футбол на утоптанном снегу.

– **Чем?**

– Половинкой кирпича. Из шапок и шляпы Воронина соорудили ворота. На трезвую голову азарт вряд ли захватил бы. Но в шуточной игре возник психологический подтекст. Москва против Ленинграда. В одной команде Воронин, которого включили в символическую сборную мира, и я. В другой – Посуэло и Хомутов, списанные в Ленинград. Поэтому оба очень старались.

– **На "Стрелу"-то не опоздали?**

– Нет. С начальником поезда, нашим благодетелем, полночи проговорили о футболе. Воронин пригласил его летом в Лужники на матч СССР – Бразилия: "Билет вам достану. Правда, игра будет неинтересной, мы с Пеле разменяем друг друга". Он именно так себе все представлял.

– **Не получилось.**

– Да, Воронин не сумел сдержать Пеле, который забил два гола. Вскоре мы встретились в плавучем ресторанчике, заказали коньяк. Валера с горечью выдохнул: "До матча с бразильцами я был так счастлив, что играю в футбол! А теперь..." То, что не справился с Пеле, стало для него ударом.

После чемпионата мира 1966-го затосковал еще сильнее. Он всегда был ориентирован на международный футбол. С каким вкусом произносил иностранные фамилии! На Западе его обожали. Красивый, раскованный, знает английский. Воронин легко заиграл бы в любом европейском чемпионате. Но попал не в свое время.

– **Его нельзя было вытащить из депрессии?**

– Он сам ничего хотел. Погас интерес к игре. Футбольная рутина угнетала. Душа просила праздника, а наступили будни. Даже вино перестало быть для него веселым. Горстями глотал таблетки от бессонницы, мотался на "Волге", взбадривая себя массой ненужных встреч. Дальше – авария, клиническая смерть. И совсем другая жизнь длиной в 16 лет.

– **Объясните, как при регулярных загулах Воронину удавалось божественно играть?**

– Правильный вопрос. Воронин – один из первых профессионалов в нашем футболе. На тренировках себя не жалел, знал возможности своего организма, как готовиться к игре. Харламов, кстати, такой же. Если появлялся на тренировке не в форме, просил ребят: "Шайбу мне сегодня не давайте". Но завтра отработывал за троих.

Воронину было скучно жить исключительно футболом, проводить на базе в Мячкове по 300 дней в году. Его притягивала артистическая среда. Стрельцова, например, в ВТО не затащишь – зачем ждать вечера, когда днем куча развлечений? Можно сидеть на кухне с капустой, никуда не ходить, подремать.

Помню, рассказывал мне, как встретил Воронина незадолго до гибели: "Пьет пиво с какими-то ханыгами. Говорю: "Валерка, иди домой!" – "Не пойду, делать там нечего". – "Да как же нечего?! Разогрей супчик, вытащи холодную бутылочку, включи телевизор..." Эдику действитель-

но это нравилось. Мог дома часами разгадывать кроссворды, обложившись справочниками. А фильмы обожал детские и про войну.

Валеру же тянуло в ВТО, он был в центре внимания – и не футбольной братии, а режиссеров, актеров, писателей. Оттуда перемещался в "Националь", где ночью работал валютный бар.

Романтика-то в чем?

– **В чем?**

– Советские граждане давно спят, а тут кипит жизнь. Как за границей. Для него это было очень важно. Хотя в "Национале" болтовня чревата – кругом прослушка. Но Валеру провожали к столику, где могли спокойно разговаривать.

Когда в Москве открылся кинофестиваль, он не пропускал ни единого вечера. Приезжал из Мячкова, просиживал с нами в баре до рассвета, ждал Софи Лорен. Мечтал с ней познакомиться. Меньше ему не надо – подавай итальянскую звезду!

А Стрельцов понятия не имел, кто такая Софи Лорен. Он вообще артистками не увлекался. Воронин, Иванов считались интеллектуалами. Но индивидуальностью, более самостоятельным человеком, с моей точки зрения, был Стрельцов. Ему не требовалось общество, Эдику с собой было не скучно.

– **Мечта Воронина сбылась?**

– Нет. Софи Лорен так и не пришла. Зато в баре Валеру заметил режиссер Марлен Хуциев. От футбола он далек, сначала Воронина принял за иностранца. Когда услышал, что тот говорит по-русски, предложил роль в фильме "Июльский дождь", который собирался снимать: "Для вас есть работа на целый год". Воронин ответил: "Это невозможно. Скоро летим в Южную Америку, затем – Вена, Брюссель и Лондон, мировое первенство. А я не альтруист". Хуциев от опрокинутой на него географии лишился дара речи. Потом спросил сидевшего рядом актера: "Кто это?" – "Футболист" – "Они такие умные?!" Сыграл эту роль в итоге Александр Белявский, который похож на Воронина. Тоже брюнет, с проборчиком.

– **После аварии Воронин изменился внешне?**

– Да. Лицо одутловатое, узнавал его не каждый. Случались приступы эпилепсии. Отрыв от реальности под воздействием алкоголя – даром мозговая травма не прошла. В бредовом состоянии он себя чувствовал прежним Ворониным, которому все рады. Хотя многим начинал надоедать просьбами денег в долг без гарантий отдачи. Из игроков "Торпедо" всегда помогал Валера Филатов. А Юрин, допустим, никогда не давал. Но жалоб на судьбу или чудовищную бедность я от Воронина не слышал. Держался с достоинством.

– **Почему с работой не складывалось?**

– На ЗИЛе отыскивали вакансию в строительном цеху. Жалованье скромное, однако и делать ничего не надо, сиди ежедневно с девяти до шести. Но для Воронина это было пыткой. На грани клаустрофобии. Тренером работать он не смог бы, хотя мало кто понимал футбол так, как Воронин. Мне кажется, из него получился бы великолепный комментатор. Вот только его образ жизни плохо увязывался с редакционными летучками.

– **На похоронах были?**

– Нет. О смерти Воронина узнал дней через десять. Нашли его с проломанной головой возле Варшавских бань. Пытался что-то объяснить врачам, изображал, как держится руками за руль, но так и не пришел в сознание.

– **Вы написали книгу "Невозможный Бесков". Чем она разозлила Константина Ивановича?**

– Тем, что получилась не такой, как он хотел. Но это позже выяснилось, что замысел ему виделся иначе. Нечто педагогическое, монументальное, без примеров из жизни. В 90-е Бесков такую книгу выпустил – ни одного живого слова! А на моей никогда не ставил автограф. Пытался помешать ее выходу. В итоге напечатали в другом издательстве. Обиделся Бесков и на документальный фильм с тем же названием.

– **Что не устроило?**

– Считал, лишнего наговорил. Всех собак повесил на меня: "Ты создал Габриловичу мой неправильный образ!" – "Как я мог это сделать, если он снимал вас живого, не по книге?" – "Нет-нет, ты виноват". Лешка Габрилович, режиссер, его очень боялся. А я к причудам Бескова привык.

– **За время съемок или работы над книгой каким эпизодом он удивил?**

– Попалась ему на глаза в "Литературке" статья Вениамина Каверина. Синим карандашиком что-то подчеркнул: "Ребятам зачитаю". Приезжаем на базу. Подходит Дасаев: "Константин Иванович, давайте сдвинем начало тренировки минут на двадцать? Хочется "Утреннюю почту" посмотреть".

– **Что Бесков?**

– Улыбнулся снисходительно: "Хорошо". Габрилович поразился: "Как дети!" Бесков кивнул. Мне он говорил, что не встречал футболиста талантливее, чем Кужлев. Спрашиваю: "Почему же не играет?" – "Очень глуп! Парню 21 год, а ум – 15-летнего". Потом я увидел, с каким выражением лица он смотрел на макет, когда Бесков что-то объяснял. Понял – Константин Иванович прав. Кужлев так и не раскрылся.

Про Сурова тоже отзывался пренебрежительно: "Колхозник!" Но в чемпионском сезоне-1987 тот был основным защитником. Или Капустин, которого вся страна требовала выгнать из "Спартака"!

– **Это правда.**

– "Ну да, толстоумный, медлительный", – соглашался Бесков. "А что ж играет?" – "Вот потому и играет, что мне так нужно!" От Капустина ему был необходим один мазок в той картине, которую он уже придумал. Константин Иванович видел что-то, чего не видел никто. Но надо разделять Бескова-тренера и Бескова-человека.

– **То есть?**

– Я ценю в людях не общую культуру, а то, что у нас называют словом "профессионализм". Под этим в первую очередь подразумеваю талант. Бесков – величайший тренер, беседовать с ним о футболе – наслаждение. Говорить на другие темы – уже не так увлекательно. В жизни он – заурядный, не слишком интересный человек, которого ничего, кроме футбола, не волновало. Возможно, в интригах себя проявлял, но тогда в "Спартаке" я не мог их разглядеть. При мне Бесков всегда держался как отец-командир.

Книжку Бубнова все ругают, а мне понравилась. Ярко описал борьбу за власть в команде, непрерывные интриги, стукачей. Все это у Бескова было. Не случайно постоянно менялись вто-

рые тренеры, никто не мог ему угодить. Выгнал даже Башашкина, с женой которого дружила Валерия Николаевна.

– **Разве что Федор Новиков продержался долго.**

– Самый хитрый и подлый из них. Бескова не любил, но умело скрывал. А самого Новикова в "Спартаке" футболисты ненавидели. За то, что все доносил главному.

– **У Бескова в гостях вы бывали. А у Старостиных?**

– У Андрея Петровича. Обратил внимание, что на полках все книжки читанные: слегка разбухшие от перелистывания страниц. А вот Николай Петрович относился ко мне настороженно, называл "прожженным динамовцем".

– **Вы – болельщик "Динамо"?**

– В том-то и дело, что нет! Но ему повсюду мерещились враги. Старостины – особая порода. Однажды Бесков сделал замечание Николаю Петровичу, который пришел в старом пальто: "Николай Петров, ты что, экономишь?" Тот сухо: "Костя, я сын царского егеря, а ты – извозчика! Никогда не смей мне говорить, как я должен быть одет!"

– **Алексей Габрилович умер внезапно в 59. А отец, драматург Евгений Габрилович, в 94.**

– В Лешкиной смерти много загадок. Возможно, отравился паленой водкой, которой в 90-е торговали на каждом шагу. А отца его вспоминаю. Чем старше, тем чаще. Евгению Иосифовичу было года 92, когда снимал про него документальную картину. Он сидел за столом, что-то карябал и рассказывал: "Работаю с большим удовольствием. Но иногда ложусь спать и не помню – я написал или только собирался?" Теперь перед сном аналогичным вопросом взволнованно задаюсь я. Кстати, книжку закончить он успел. Хотя повторы встречаются.

* * *

– **Как началась дружба с Квашой?**

– В школе-студии МХАТ у всех были товарищеские отношения с артистами "Современника". Как у людей одного – ефремовского – предприятия. Последние лет шесть Игорь жил в Переделкине, на соседней даче. Мы гуляли, беседовали. Он чрезвычайно увлекался футболом. Из-за Кваши купил спутниковую тарелку. Его положили в больницу. Я подумал: "Позвонит, расскажу какую-нибудь футбольную историю – и ему станет легче".

30 августа 2012-го был Суперкубок Испании "Реал" – "Барселона", любимый его матч. Хотел набрать Игорю в больницу ближе к трансляции. Но он накануне очень плохо говорил – чем-то ободрали горло. Была астма, задыхался. Я решил не тревожить, позвонить завтра, обсудить игру. Но обсуждать было не с кем – в тот день Кваша скончался.

Потом рассказали, что его уже перевели в реанимацию. Даже там он держал в голове футбол. Попросил, чтоб вечером включили телевизор. Врач ответил: "Мы вас не откачаем. Уж лучше закурите..." А я думаю – зря не дали посмотреть!

– **Ефремов к футболу был равнодушен?**

– Да. Хотя в передаче, посвященной Михаилу Яншину, блистательному артисту и спартаковскому болельщику, восклицал со значением: "Как же в наши дни можно не увлекаться футболом?!" А когда в дружеском матче увидел на поле Евстигнеева, обратился к нему: "Эй, Бубукин..." Выходит, знал, что есть такой лысый футболист.

В другой раз сидели в баре домжура, хрустели раками. Подошел Ефремов, произнес задумчиво, что и рака хочется, и пообедать надо – вечером в театре открытие сезона. Ему все быст-

ренько организовали. От выпивки отказался. Поддатый Володя Щербаков решил, что у Ефремова нет денег, обнял: "Пей, я угощаю!" Ефремов отстранился, спросил шепотом: "Кто этот мальчик?" Услышав, что центр нападения сборной СССР, покачал головой: "Черт, как я оторвался от футбола!" Правда, карьера Щербакова в сборной единственным матчем и ограничилась.

– **Зато Кассиль футбол обожал?**

– Это трагическая история. В 1970-м по турпутевке собрался на чемпионат мира в Мексику. Врачи отсоветовали: "Лев Абрамович, там жарко, а у вас больное сердце". Но и Москва в то лето задыхалась от страшной жары. Дома он смотрел финал Бразилия – Италия. И умер в перерыве. Так и не узнал, кто стал чемпионом. Кассиль мне казался древним стариком. А недавно с изумлением обнаружил, что было ему чуть-чуть за 60.

– **В Переделкине среди ваших соседей были и Пастернак, и Чуковский.**

– Пастернака едва не задавил в 15 лет на отцовской "Победе". Я еще учился водить, не сразу заметил на дороге мужчину в прорезиненном плаще. В последний момент успел вывернуть руль. Мама вскрикнула: "Ты чуть Пастернака не сбил!"

– **Вслед вам обрушился поток брани?**

– Нет. Борис Леонидович был погружен в собственные мысли и молча брел в сторону дома. Сейчас там музей, этот плащ на вешалке среди экспонатов.

– **А на участке – картофельные грядки.**

– В поселке они были у всех – от крыльца до забора. Я видел Пастернака с лопатой, копающего картошку. Катаев обзавелся коровой. Фадеев в садовом прудике разводил карпов. Послевоенные годы, карточки, жрать нечего... С сыном Пастернака, Леней, я дружил. Ездил он на мотоцикле, красной "Яве", которую отец купил на гонорар за какой-то перевод. Машины у них не было.

– **А у Чуковского был ЗИМ.**

– Сначала "Волга". Ложился он рано. Когда засыпал, мы с его внуком Женей на руках выкатывали автомобиль из гаража и мчались в Москву. И вдруг Корней Иванович захотел ЗИМ.

– **Где достал?**

– Да никто ЗИМ не покупал – дороже в три раза, чем "Волга"! В долг взял у моего отца. Пришел к нему: "У тебя есть 45 тысяч?" – "Есть". За руль Чуковский не сел, был шофер.

– **Тот, с которым "друг детей" в Переделкине топил в бочке кота?**

– Их было трое – еще Павел Бунин, художник. Я бы не упомянул в книге этот эпизод, если бы Бунин о нем не разболтал. Причем уверял, что Чуковский ему сказал, взглянув на мертвого кота: "Вот и сам, может, будешь так лежать". К даче я подошел, когда с котом уже расправились. Шофер вытряхнул его из одеяла и зарыл возле бочки.

– **Добрейший Корней Иванович... В голове не укладывается.**

– Готов искать объяснение в его простонародных генах. Такая ли уж новость для деревни – казнь животного, которое что-то сожрало у хозяина.

– **С Чуковским этот случай обсуждали?**

– Никогда. Я не любил с ним разговаривать. Корней Иванович был очень неестественный. Смущал громкостью своего артистизма. Сохранилась фотография – Ташкент, эвакуация, мы стоим, разделенные щелью арыка. Мне 2 года, ему – 60. Тогда же он сочинил стихотворение: "Я не знал, что так радостно быть стариком..." Старость Чуковского растянулась на 27 лет.

– **Знакомству с Бродским тоже обязаны Переделкину?**

– Нет, дому на Ордынке, где жили мои друзья Ардовы. Бродский заворачивал туда, приезжая из Ленинграда. Как-то по телевизору транслировали бокс. Соперником Агеева был поляк. Иосиф, переводивший в то время польских поэтов, проворчал, что Витя ему не понравился: "Дерется, словно хулиган на улице". Когда фразу передал Агееву, тот рассмеялся: "Он прав. Одной классикой не перехитришь – надо что-то из жизни тащить на ринг".